

Second Foot and Second Leg

Фрагмент поэмы

Ноги тут ни при чем. Женские, понятное дело. Голые женские, уточняю. Ноги. Так вот, повторяю, что эти самые голые, женские и, надо сказать, вовсе недурные ноги в данном конкретном случае практически никакого значения не имеют. По меньшей мере, они не так важны, как это обычно бывает или может показаться. Хотя ноги эти были крепенькие такие, спортивного типа, знаете, какие бывают у велосипедисток, но не международного класса, когда икры уж чересчур со всех сторон выдаются, а у начинающих, когда еще не совсем такие, но уже отчетливо обозначившиеся, округлые. Да, так вот, не в этих ногах спортивного типа, заправленных в довольно сносные еще кроссовки посредством сочного лимонного цвета носочков, было дело. Это точно. Не говоря уже о голубоватых джинсовых бриджах, облегавших эти самые не имеющие особого значения спортивные ноги. Курточка там тоже присутствовала — такой расклешенный пиджачок, ниспадавший на упругие бедра, венчающие не имеющие отношения к делу крепенькие спортивные ноги, какие бывают у начинающих велосипедисток, в бриджах из джинсовой ткани, заправленные в сочно-лимонного цвета носки и кроссовки, довольно еще приличные. Так вот, весь этот гарнитур, включая упомянутые ноги, тут совершенно ни при чем. Это я вам говорю со всею ответственностью. А то, что я человек ответственный, так пусть вам это жена бывшая подтвердит. Я когда, допустим, уже часов 12 ночи или половина первого, обязательно ей звоню и предупреждаю, что так, мол, и так получилось, и чтобы она не волновалась, если вдруг задержусь и такое прочее. И ноги тут ни при чем — ну, те, которые как у начинающих велосипедисток. Мало ли ног вокруг ходит. Так что, спрашивается, все они при чем. А вот Вадик Кириленко, художничек, так вот этот как раз при чем. К нему и все претензии. Сижу это я в "верхнем деканате" (рюмочная такая, близ куста вузов, понятное дело, вот ее для конспирации так и озаглавили — как студенты, так, между прочим, и преподаватели), никого не трогаю, даже примус не починаяю, это ж теперь антиквариат, да и не умею я их починаять, а Вадик — раз! — бухнулся рядом. "Здорово, старик, — говорит, — ЩАС нам пива принесут. Только, чур, ты угощаешь". И после паузы: "Нас всех...". Жалко, что ли, но на кой мне пиво, когда с утра с сорокоградусной договариваюсь, и уже почти что договорился. Приготовился было возражать, но тут, откуда ни возь-

мись, являются эти категорически посторонние в данном контексте ноги, и я исключительно автоматически беспристрастно фиксирую их некоторую спортивную накаченность, облегающие джинсовые бриджи, небесно-голубые, и вышеупомянутые носки, расцветкой напоявшие что-то до боли родное, может, единственную давешнюю закуску в виде лимонных долек, а может, и что-то более патриотическое. На фоне вышележащих бедер и ниспадающей на них курточки отчетливо просматривались два полных пивных бокала, каковые тут же перекечевали на столешницу, а означенные не имеющие отношения к делу ноги со всеми перечисленными подробностями немедленно скрылись под оной, что почему-то удручало. Пиво оказалось так себе, полувдыхшимся и тепловатым, как я в тот момент, должно быть. Впрочем, контракт с сорокаградусной мы еще не вполне расторгли, а потому было хотя бы чем запивать, ибо лимон цвета носков, заправленных в довольно приличные еще кроссовки, кончился бесповоротно. И что замечательно, ноги, которые абсолютно ни при чем, но которые крепеньки, как у начинающей велосипедистки, — а это были именно они, поскольку я же не дальтоник в смысле раз и навсегда зафиксированной расцветки носков! — то эти именно ноги сколько-то, не упомнишь, раз проходили куда-то и назад, и на фоне их сочленения с бедрами столько же раз вздыбливались содержательные пивные кружки.

С какой-то стати поутру я увидел их снизу вверх. За форму, во всяком случае, я ручаюсь. А вот бриджей из джинсовой небесно-голубой ткани, как и кроссовок, а главное, носков сочно-лимонного цвета почему-то не наблюдалось. Посторонние, совершенно не имеющие ко мне никакого отношения голые ноги ходили или, точнее, сновали мимо туда и сюда. Зачем они это делали, сказать трудно. Значит, надо было им. Но я нечаянно спросил: "Вы можете не мелькать?". Сверху послышалось кокетливое: "Мы уже перешли на вы?". А что, ответьте, я неправильно сказал, если их две? Ну, думаю, ладно, пусть ходят, раз им надо. Ни с того ни с сего заиграла любимая мною мелодия из фильма "Жестокий романс", но почти тотчас же оборвалась, что меня очень расстроило. И тут же раздался тот же голос, скороговоркой и с несколько оправдывающейся интонацией пробормотавший: "Да все нормально, бегу-бегу... Через базар, вестимо...". Ноги засуетились. Откуда-то с периферии на подпрыгивающих штанинах выскочили бриджи из джинсовой ткани небесно-голубого цвета, на мгновение встали по стойке смирно перед голыми спортивными ногами, которые тоже подскочили и не без некоторого затруднения попали в вибрирующие джинсовые чехлы. Затем эти совершенно посторонние мне ноги

бросились куда-то со всех ног, как-то неблагозвучно потоптались в прихожей и вернулись, обутые в приличные еще довольно кроссовки на босу ногу. Они, ноги, разумеется, были посторонние, однако в них отмечался какой-то беспорядок, какая-то несправедливая разукomплектованность. Покуда напряженно размышлял, чего им, собственно, недостает, с заоблачных высот донеслось: "Пока, солнышко. Спасибо тебе...". И посторонние, неизвестно за что благодарные ноги однонаправленно удалились. Одолев припасенную бутылку не фильтрованного светлого, обнаружил в прихожей, в стыдливо приоткрытом полиэтиленовом пакете для мусора сиротливые сочного ядовито-лимонного цвета носочки-колокольчики, оставшиеся от совершенно посторонних в нашей истории спортивного типа ног, облаченных в, далее по тексту. Носочки требовали некоторого гигиенического участия, но я счел подобное участие бестактным и оставил их там, где нашел, в девственной неприкосновенности. Хотя было жалко. И их, и те совершенно посторонние и не имеющие к нашей истории ни малейшего отношения крепенькие голые ноги в небесно-голубых джинсовых бриджах, ушедшие своим таинственно непредсказуемым маршрутом практически босиком и разукomплектованными. Отчего я рисковал, обзревая мир в весьма любопытном и значимом для его дальнейшего воспроизводства диапазоне, не узнать их в лицо.

Руководствуясь непреодолимым движением души, ползая похмелья не куда глаза глядят, а конкретно на Привоз, где только-только открывались промтоварные и прочие контейнеры. Крепконогие реализаторши, хрипло поругиваясь, привычно таскали какие-то тяжести, и округлые ляжки, икры, лодыжки то и дело рельефно вздымались и опадали в положении цыпочки, отчаянно напрягались крутые подъемы, трогательно выпрастывались натруженные кожаные пятки. Мимо сновали разнообразные голени, затеняемые обширной площади полиэтиленовыми пакетами с маркировкой "Таврия", "Рорус", "Копейка" и "Наталка". Попадались типологические праздно точеные и томные, семяющие геронтологические, субтильные и спортивные (но не те!) молодежные, поспешающие рабоче-крестьянские, скабрезные алкоголические и другие абсолютно посторонние мне ноги. Я искал посторонние свои, те самые, что у не выбившихся в рекордсменки велосипедисток — домохозяйек, лоточниц, учительниц младших классов, секретарш со знанием английского и компьютера, тружениц Таможенной площади, промтоварных рынков, риэлторш, инспекторш "Энергосбыта" и почтальонш. Их было не счесть, и я тем более трепетал от коварного кошмара, что никогда не удастся распознать оные

в разукомплектованном виде. А может, горько утешал я себя, они умялись, таская на себе пивные кружки, мешкообразных незнакомцев, однаправлено поглощаемую провизию и прочее бытовое вещество, с добросовестной ответственностью исполняя нескончаемую свою работу карнатид по поддержанию, и теперь, на краю какой-нибудь недалеко, но незримой ойкумены, забрались с собой на диван или в плюшевое кресло, где меня нет. И было что-то еще, смутно вспоминаемое и даже как будто осязаемое, когда эти ноги самоотверженно караулили меня по обочинам сознания, как въезд в город, именуемый шоферюгами и гаишниками "Два столба", в подпирающих небо двух томительно смыкающихся и размыкающихся симметричных декоративных формах. Все это выглядело уже какой-то тоскливо ненаучной фантастикой. Но я еще раз утешился — прагматическим, чтобы не сказать пошлым, соображением о покоящихся в целлофановом пакете беспризорных лимонных колокольчиках-носочках, бывших реальными настолько, что требовали даже некоторого гигиенического участия. И эта мысль придавала мне силы для дальнейших поисков.

Невероятно, но факт — иначе ни за что не поделился бы с вами этим сексуально-социологическим сюжетом, — они, эти самые отчасти непривычно голые разукомплектованные ноги, зачем-то стояли подле невзрачного облупленного контейнера, как бы в предвкушении. Не очень длинные, крепенькие, спортивного типа, в обтягивающих бриджах из джинсовой ткани небесно-голубого цвета, в довольно приличных еще кроссовках на босу ногу. Но из-за разукомплектованности им чуть-чуть недоставало гармонии. Я подкрался и глянул через плечо стекающей на тугие бедра расклевшенной курточки. На прилавке тускловатой радугой громоздились разноцветные носки. Много носков. Так много, что хватило бы на уйму совершенно посторонних, но чьих-то вышагивавших по базару в этот ранний час непостижимых ног. Настоящих — хлопчатобумажных, фальшивых — из вискозы, одинарных и двойных, со швами и без швов, отечественных и турецких, подороже и подешевле. Не поднимая глаз и не скупясь, купил две пары настоящих, не обремененных шрамами, в поддержку отечественного производителя и патриотической расцветки. Знай наших! "Голубые можешь оставить себе", — прозвучало многообещающе поверх эпических конечностей. Значительно поверх. "Всё выше и выше, и выше..." Присел на потертый деревянный поддон и без особого, надо сказать, сожаления сменил носки: расставание с предыдущими все равно было неизбежно, рано или поздно. В соседних же кроссовках, кстати, вполне еще приличных, вновь победительно воссиял закусочный цитрус.

Автоматически отметив неслучайное и гармоничное сочетание цветов, понял, наконец, как много нас связывает. Болезненно, рывком задрал голову и увидел высокое небо цвета джинсовых бриджей и сочно-лимонное свечение в окаймляющих его облаках. В конце-то концов, одна пара ног хорошо, а две лучше, заподозрил я, энергично шагая в ногу в направлении "верхнего деканата".

Вот и спрашиваю вас, при чем тут, собственно, ноги. Ноги тут совершенно ни при чем. Женские, понятное дело. Голые женские, уточняю. Ноги. Так вот, повторяю, что эти самые голые, женские и, надо сказать, вовсе недурные ноги в данном конкретном случае практически никакого значения не имеют. По меньшей мере, они не так важны, как это обычно бывает или может показаться. Хотя ноги эти были крепенькие такие, спортивного типа, знаете, какие бывают у велосипедисток, но не международного класса, когда икры уж чересчур со всех сторон выдаются, а у начинающих, когда еще не совсем такие, но уже отчетливо обозначившиеся, округлые...

